

**ОТНОШЕНИЕ
К ЦЕННОСТИ
ДЕТСКОЙ ЖИЗНИ:
ИСТОРИЧЕСКИЙ
АСПЕКТ**

**САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ
ДЕТСКИЙ ХОСПИС**

Основатель Детского хосписа Санкт-Петербурга,
Председатель Комиссии по благотворительности
Общественной палаты РФ
протоиерей Александр Евгеньевич Ткаченко

Кандидат психологических наук, психолог АНО «Детский хоспис»
Ольга Викторовна Александрова

Генеральный директор СПб ГАУЗ «Хоспис (детский)»
Ирина Владимировна Кушнарeva

Отношение к ценности детской жизни: исторический аспект

Санкт-Петербург
2018

УДК 128
ББК 51.1л

Основатель Детского хосписа Санкт-Петербурга,
Председатель Комиссии по благотворительности
Общественной палаты РФ
протоиерей **Александр Евгеньевич Ткаченко**

Кандидат психологических наук, психолог АНО «Детский хоспис»
Ольга Викторовна Александрова

Генеральный директор СПб ГАУЗ «Хоспис (детский)»
Ирина Владимировна Кушнарёва

Отношение к ценности детской жизни: исторический аспект –
СПб.: Типография Михаила Фурсова, 2018 — 74 с.
ISBN — 978-5-906804-14-3

В учебном пособии исследуется динамика отношения к детской смертности и ценности детской жизни близких родственников и общества в целом в историческом аспекте. Анализируются факторы, способствующие изменению данного отношения. Работа расширяет знания о процессах и явлениях, происходящих в семьях, переживающих утрату ребенка, в том числе «утрату» здорового ребенка при выявлении жизнеугрожающего заболевания и его длительном лечении. Книга рассчитана на широкий круг читателей.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	7
1. Исследование проблемы смерти в исторической науке.....	13
2. Отношение к феномену смерти в разные периоды исторического времени.....	17
3. Краткий экскурс в историю детства.....	27
3.1. Типы взаимоотношений родителей и детей в истории ...	28
3.2. Возникновение категории детства как особой социально- психологической и возрастной категории.....	32
3.3. Организованная подготовка детей к взрослой жизни	36
3.4. Правовой статус ребенка.....	38
4. Динамика отношения к детской смерти и ценности детской жизни в историческом аспекте	41
4.1. Частота детоубийства.....	41
4.2. Новое значение, придаваемое личности ребенка.....	49
Резюме	57
Литература.....	65

ПРЕДИСЛОВИЕ

Отношение к детям со стороны общества, символическое значение детства и его место в структуре жизненного пути личности в разные периоды истории менялись весьма существенно [29]. Вместе с тем менялось и отношение к больным детям [28]. В наши дни идея ценности детства как в личностном, так и в культурном аспекте не подлежит сомнению. Признается важность эпохи детства в контексте всей человеческой жизни. Но так было не всегда, как отмечает Л. Демоз: «История детства — это кошмар, от которого мы только недавно стали пробуждаться. Чем глубже в историю — тем меньше заботы о детях и тем больше у ребенка вероятность быть убитым, брошенным, избитым, терроризированным и сексуально оскорбленным» [13, с. 14].

Внимание к проблемам детства способствовало появлению и развитию многих отраслей в науке. Так, на рубеже XIX–XX вв. происходит формирование детской психологии, которая зарождалась как ветвь сравнительной психологии, а также формирование педиатрии как самостоятельной науки. Во второй половине XX в. формируются такие научные дисциплины, как история детства, этнография (антропология) детства и социология детства. Вместе с тем изучение детского организма, особенностей детской психологии показало, что ребенок — это не взрослый человек в миниатюре. В 70-е годы XX в. в мировой практике было положено начало развитию паллиативной медицинской помощи в педиатрии как всесторонней комплексной поддерж-

ки тяжело болеющих детей (страдающих прогрессирующими заболеваниями с неблагоприятным прогнозом для жизни, когда возможности специализированного лечения ограничены или исчерпаны) и членов их семей. Открываются детские хосписы.

Отношение к детской смертности и ценности детской жизни в современном понимании формируется лишь к началу XX в. Теперь смерть ребенка переживается особенно интенсивно и долго, часто с сильными чувствами возмущения, протеста, вины и депрессии [46]. Родительское горе выражается сильнее и более деструктивно влияет на личность, чем смерть значимого взрослого. «Чувство вины и беспомощности является всепоглощающим, и скорбь по ребенку длится практически всю жизнь» [44]. Так, в Диагностическом и статистическом руководстве по психическим заболеваниям Американской ассоциации психиатров DSM-III-R имеется специальная шкала тяжести (ось IV) психосоциальных факторов, вызывающих стресс, где смерть ребенка рассматривается как одно из событий, вызывающих катастрофически острый стресс и кодируется шестым (самым высоким) уровнем тяжести.

В наши дни в модели горевания выделяются следующие компоненты [34, 35]:

1. Поведенческий компонент: способы психологической защиты, стратегии совладающего поведения, социальная изолированность. В случае смерти ребен-

ка: разговоры с ребенком, поклонение месту смерти, существование комнаты в память о ребенке, избегание встреч с детьми возраста ушедшего ребенка.

2. Когнитивный компонент: ощущение своей крайней несчастья, суицидальные мысли; оценка помощи окружения, представления о ценностях, о Боге, о виновнике трагедии, о смысле жизни.

3. Эмоциональный компонент: чувство вины, плач, тревога, депрессия.

Учитывая, что в современной психологии к субъектам процесса горевания относят не только людей, утративших близкого человека, но и родственников тяжелобольных, стоит также рассматривать «работу горя», протекающую вследствие потери «здорового ребенка» (в ситуации обнаружения у него прогрессирующего заболевания) и существующей в связи с этим угрозы его утраты. В этой ситуации семья сталкивается с изменением привычного образа жизни, потерей обычной активности и мобильности, надежд и мечтаний о будущем, происходит реконструкция планов. Семья испытывает психологический стресс. В литературе приводятся данные о том, что тяжелая болезнь ребенка неминуемо оказывает влияние на психологическое состояние и поведение всех членов семьи, поскольку ребенок связывается с прообразом будущего. «Происходит переоценка жизненного смысла и ценностей, нарушение непрерывности внутреннего

существования и целостности душевной жизни» [23, с. 182]. Жизненные установки близких ребенка могут претерпевать существенные изменения, и одной из возможных тенденций, актуализирующихся у человека в такой ситуации, будет являться усиленный поиск смысла жизни. Опыт работы с семьями показывает, что, как бы трагично ни разворачивалась ситуация, вера в спасение (исцеление) ребенка, как правило, живет до конца. Мы видим, что родители часто ставят запрет на одну только мысль о том, что они могут проиграть битву за жизнь ребенка, или, если ребенок стал инвалидом вследствие болезни, вся их жизнь сводится к борьбе за его право быть полноценным членом общества.

В связи с этим мы можем говорить о том, что для современной науки знания о процессах и явлениях, происходящих в семьях, переживающих утрату ребенка (в том числе «утрату» здорового ребенка при постановке ему жизнеугрожающего диагноза), можно отнести к разряду актуальных и востребованных. Заслуживают внимания освещение и всестороннее изучение таких вопросов, как отношение к детской смертности и ценности детской жизни в прошлом и настоящем. Эти знания необходимы для формирования полного системного взгляда на проблемы горящих семей, а также толерантности к их сложностям и эмоциональным проблемам у специалистов помогающих профессий. Учитывая, что семьи, потерявшие ребенка, имеют высокий риск патологических реакций на утрату и, как

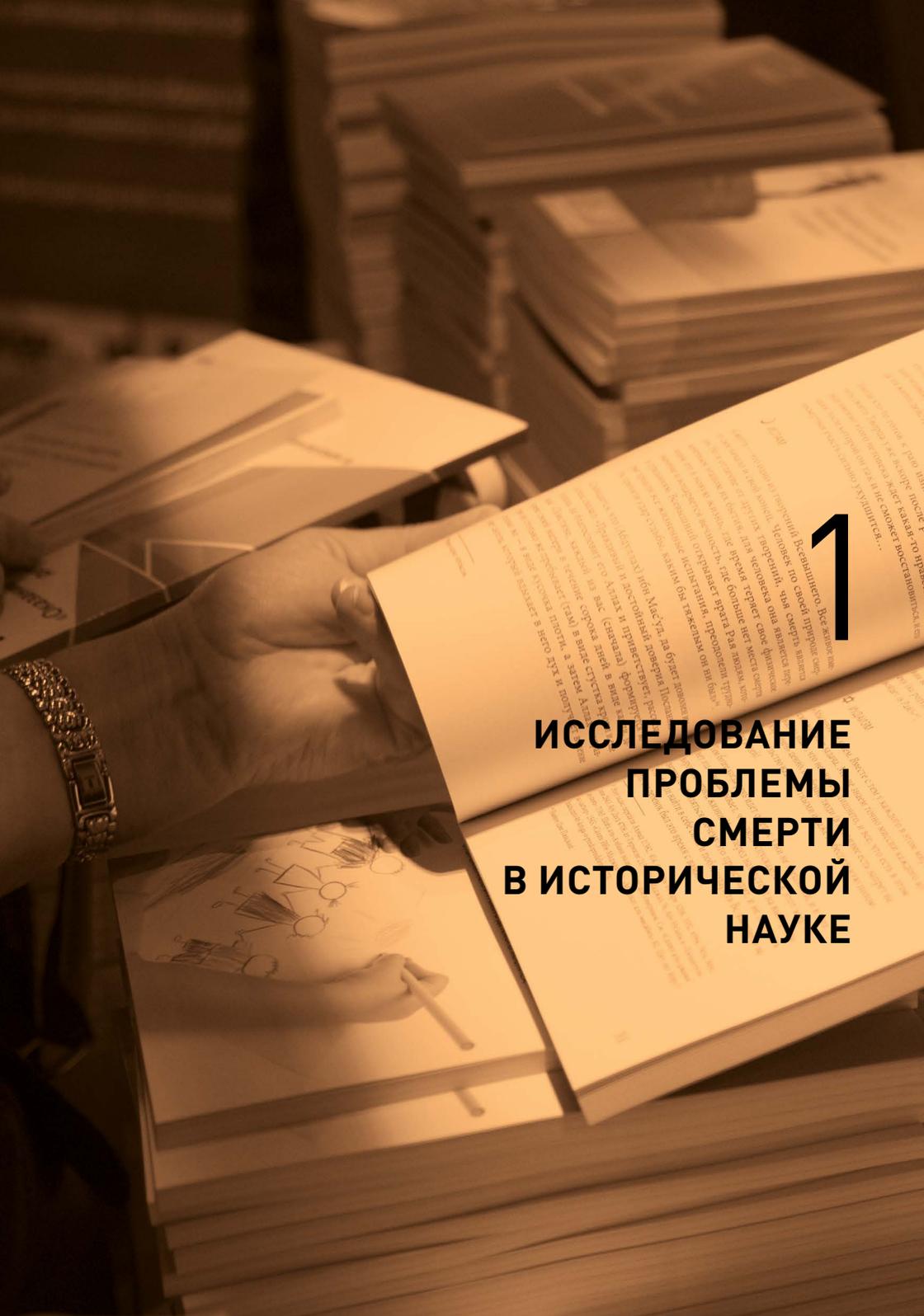
Танец Смерти.
Дж. Сольдермеер.

следствие, могут выпадать из жизни социума [22], их поддержка имеет огромное как нравственное, так и социальное значение.

В настоящей работе исследуется динамика отношения к детской смертности и ценности детской жизни близких родственников ребенка и общества в целом в историческом аспекте. Анализируются факторы, способствующие изменению этого отношения.

1

ИССЛЕДОВАНИЕ ПРОБЛЕМЫ СМЕРТИ В ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКЕ

Проблема смерти в исторической науке до недавнего времени воспринималась с позиции: «люди всегда рождались, страдали и умирали...». С этой темой соприкасались лишь археологи, имеющие дело с человеческими останками, могилами и их содержимым, а также этнологи, изучающие погребальные обычаи и ритуалы, символику и мифологию.

Первыми отечественными и западными исследователями, кто стал изучать данный феномен с учетом психологических особенностей личности, были:

1. Французский демограф и историк Филипп Арьес (Philippe Aries).

В работах «Человек перед лицом смерти» [2] и «Ребенок и семейная жизнь при старом порядке» [3] автор показал, какое множество разнообразных источников исследователь может привлекать в работе по данной теме: археологический материал (данные о древних кладбищах), эпиграфику, иконографию, письменные памятники (рыцарские эпосы, завещания, мемуарную и художественную литературу нового времени). Всю жизнь он посвятил глубинным исследованиям, которые были связаны с такими полюсами повседневной человеческой жизни, как детство и смерть. Он изучал историю детства в период XIII по XX вв., отношение к смерти на Западе в период христианской эпохи.

2. Французский историк Мишель Вовель (Michel Vovell).

В работе «Смерть и Запад с 1300 г. до наших дней» [15] он смог выделить роль материальных условий существования, определяющих сознание людей и их отношение к смерти.

3. Американский историк Джордж Пэйн (Paune George Henry).

В своей книге «Ребенок в прогрессе человечества» [56] автор поднимает тему широкого распространения детоубийства и жестокости, акцентируя внимание на древности.

4. Американский историк и психолог Ллойд Демоз (Lloyd deMause).

Исследователь внес значительный вклад в развитие психоистории. Работы: «Психоистория» [13] и «История детства» [53].

5. Американский психиатр Дж. Луиза Десперт (J. Louise Despert).

Ее работа «Ребенок с эмоциональными нарушениями — тогда и теперь» (The Emotionally Disturbed Child-Then and Now) [55] посвящена сравнительному психиатрическому анализу плохого обращения с детьми в

прошлом и настоящем, а также обзору эмоциональных установок по отношению к детям со времен древности и анализу исторических данных в контексте данной темы.

6. Американский психолог Дэвид Хант (David Hunt).

В своем труде «Родители и дети в истории» (Parents and Children in History) [54], с опорой на уникальный дневник XVII в. Эроара о детстве Людовика XIII, автор исследует проецирование взрослыми на ребенка своих нежелательных стремлений.

7. Английский психолог и историк Дж. Рэтри Тэйлор (G. Rattray Taylor).

В книге «Делатели ангелов» (The Angel-Makers: A Study in the Psychological Origins of Historical Change 1750–1850) [57] исследователь знакомит читателей с психоаналитическим прочтением детства и личности в Англии конца XVIII в.

8. Советский, российский историк-медиевист, культуролог А.Я. Гуревич.

Его работа «Смерть как проблема исторической антропологии: о новом направлении в зарубежной историографии» (1989) [11, 12] внесла неоценимый вклад в исследование темы смерти и ценности детской жизни.

2

ОТНОШЕНИЕ К ФЕНОМЕНУ СМЕРТИ В РАЗНЫЕ ПЕРИОДЫ ИСТОРИЧЕСКОГО ВРЕМЕНИ

Изучение установок в отношении смерти проливает свет на отношение людей к жизни и основным ее ценностям. Так, А.Я. Гуревич определяет смерть как один из коренных параметров коллективного сознания, «компонент картины мира, существующей в сознании членов данного общества в данный период» [12].

Обратимся к древней, средневековой, новой и новейшей истории, с тем чтобы проследить, как данные представления менялись у людей в эти периоды (табл. №1).

Первобытное общество — архаичная форма общественного догосударственного устройства, характеризующаяся общей собственностью, коллективным трудом и потреблением. Начальная точка истории — 3 миллиона лет назад — появление человека и первых

Таблица №1

Периоды всемирной истории	Условные хронологические рамки	Абсолютный возраст
История первобытного общества	Приблизительно 2 млн лет назад — IV - I тыс. до н.э.	Приблизительно 2 млн лет (20 000 в.)
История Древнего мира	IV тыс. до н.э. — сер. I тыс. до н.э.	Около 4 тыс. лет (40 в.)
История средних веков	Середина V века — сер. XVII века	Около 1200 лет (12 в.)
История новой эпохи	Середина XVII в. — начало XX века	Около 300 лет (3 в.)
Современное время	С начала XX века и по настоящее время	Менее 100 лет

орудий труда. Завершение первобытной истории — появление государства и письменности — 3 тыс. лет до н.э.

Античность (восходит к лат. *antiquitas* — древность) — «греко-римская древность» (цивилизация Древней Греции и Древнего Рима). Под Античностью подразумевается период древней истории приблизительно с X тыс. до н. э. по V в. н. э. (включая эллинистические государства).

Период Средневековья охватывает: раннее Средневековье (кон. V – сер. XI вв.); высокое, или классическое, Средневековье (сер. XI – кон. XIV вв.); позднее Средневековье, или раннее Новое время (XIV–XVI вв.).

Эпоха Нового времени охватывает период с середины XVII в. до начала XX в.

Новейшее время охватывает период с начала XX в. по настоящее время.

Ф. Арьес выделяет пять основных типов психологического восприятия смерти у европейцев и североамериканцев, проявившихся одновременно с трансформацией отношений в обществе, развитием философии и науки:

1. «Прирученная смерть»;
2. «Смерть своя»;

3. «Смерть далекая и близкая»;
4. «Смерть твоя»;
5. «Смерть перевернутая».

С архаических времен (VIII–VI вв. до н. э.) и вплоть до XIX в. общество воспринимало смерть — как смерть «прирученную» [2, с. 133]. Имеется в виду, что люди относились к смерти как к обычному явлению, которое не внушало им особых страхов. В этот период человек органично включен в природу и между мертвыми и живыми существует «гармония», а смерть воспринимается как естественная неизбежность. Пример такого отношения мы можем встретить у рыцаря Роланда или русского крестьянина в повести Л. Толстого. Ф. Арьес пишет о том, что в этот период смерть не осознается в качестве личной драмы и не воспринимается как индивидуальный акт. Ритуалам, которые сопровождали и окружали кончину человека, была присуща солидарность с семьей и обществом. Уход в мир иной не воспринимался как полный разрыв между миром живых и миром мертвых, что видно из захоронений, которые в этот период располагали непосредственно на территории городов и деревень, поближе к усыпальнице святого в храме. Само кладбище являлось своего рода «форумом» общественной жизни, где собирался народ. Здесь люди проводили много времени: торговали, обменивались новостями, назначали свидания. Присутствие рядом мира мертвых никого не тревожило.

Во времена Античности захоронения стали располагать за пределами городов и деревень.

В эпоху раннего Средневековья (кон. V – сер. XI вв.) люди воспринимают смерть, как сон, который должен длиться «до конца времен», то есть до второго пришествия Христа, когда все мертвые пробудятся и войдут в царствие небесное, за исключением наиболее тяжких грешников. Люди не ожидают после смерти возмездия за прожитую жизнь, которое должно свершиться на Страшном суде.

В эпоху классического Средневековья (сер. XI – кон. XIV вв.) смерть стала восприниматься, как «смерть своя» (*la mort de soi*). Между XI и XIII столетиями утвердилась идея Страшного суда. В конце XII – первой половине XIII вв., в связи с зарождением городской цивилизации, появлением новых способов овладения временем и пространством, перестройкой системы ценностей (перемещение человеческих интересов «с небес на землю»), усилилась потребность воздействовать на мир иной, что вызывает появление идеи о чистилище. Чистилище занимает промежуточное положение между адом и раем, а появившиеся завещания (письменное обещание оставить в дар Церкви часть имущества для обеспечения заступничества после смерти, способное вырвать человека после смерти из чистилища) стали средством освоения и манипулирования миром мертвых. Завещания предоставляли человеку воз-

возможность обеспечить себе благополучие на том свете, примиряя заботу о спасении души со страстью к земным богатствам.

В эпоху позднего Средневековья (XIV–XVI вв.) и начала Нового времени, как отмечает А.Я Гуревич [12], в обществе доминирует религиозный тип сознания, и внимание людей особым образом концентрируется на «последних вещах» — смерти, посмертном суде, воздаянии, аде и рае. При всей своей поглощенности повседневными заботами и делами человек средневековой эпохи (*homo viator* — странник, путник) не упускает из виду конечного пункта своего жизненного странствия и помнит о том, что ведется точный счет его грехам и добрым делам, за которые он должен будет полностью дать отчет Творцу. Смерть становится важным компонентом культуры, «экраном», на который проецируются все жизненные ценности.

Итак, приблизительно с XV в. представления о Суде над родом человеческим сменяются представлениями о Суде индивидуальном, ожидающем человека в момент его смерти. Заупокойная месса становится важным средством спасения души умершего, более важное значение придается погребальным обрядам (вновь, как и в Античности, возникают эпитафии, надгробные изображения умерших). Ф. Арьес связывает эти изменения с ростом индивидуального сознания. «В своей смерти, — пишет он, — человек открывает собственную индивидуальность. Происходит открытие ин-

дивида, осознание в час смерти или в мысли о смерти своей собственной идентичности, личной истории как в этом мире, так и в мире ином» [2, с. 287]. В XVII в. появляются новые кладбища, которые теперь располагают вне городской черты. Близость живых и мертвых становится нетерпимой, а также вид трупа, скелета, что ранее воспринималось как компонент искусства (например, «пляски смерти» в конце Средневековья).

В период Нового времени (с сер. XVII в. до нач. XX в.) и до Новейшей истории смерть сначала воспринимается как «смерть далекая и близкая», потом как «смерть твоя», а в XX в. — как «смерть перевернутая».

«Смерть далекая и близкая» (*la mort longue et proche*) характеризовалась механизмом защиты от природы. В этот период к интимной жизни и смерти возвращается их дикая и неукротенная сущность.

«Смерть твоя» (*la mort de toi*) характеризовалась укреплением эмоциональных уз внутри нуклеарной

Таллинская пляска смерти (к XV в.). Бернт Нотке (Bernt Notke, 1435-1509, Любек).

«Пляска смерти» представляет собой начальный фрагмент не сохранившейся оригинальной картины и показывает не просто власть смерти над людьми, а равенство абсолютно всех перед ее лицом.

семьи, что приводит к развитию сильных переживаний, вызванных смертью значимого человека (супруга или супруги, ребенка, родителей, родственников). Меняется отношение к смерти, теперь ее ждут как момента воссоединения с любимым человеком, ранее ушедшим из жизни, вера в загробные кары ослабевает. Уход в мир иной близкого человека представляется более тягостной утратой, нежели собственная смерть, таким образом, романтизм способствует превращению страха смерти в чувство прекрасного. По замечанию А.Я. Гуревича, это было связано с тем, что в этот период произошло падение уровня смертности, и внезапная кончина ребенка или молодого человека в расцвете сил могла переживаться острее, чем в более ранние времена, характеризовавшиеся низкой средней продолжительностью жизни и чрезвычайно высокой детской смертностью. Но он также приводит примеры того, что «смерть твоя» была эмоциональным феноменом, известным и в эпохи неблагоприятных демографических конъюнктур (примером может служить средневековый рыцарский роман XII в. «Тристан и Изольда», а также песни «Старшей Эдды», где Брюнхильда не хочет и не может пережить погибшего Сигурда).

«Смерть перевернутая» (*la mort inversee*) характеризуется страхом перед смертью. Люди боятся даже думать о смерти, и на эту тему накладывается своего рода табу. По мнению Ф. Арьеса и некоторых социологов, это приводит к тому, что общество начинает вести себя так, словно никто не умирает, и смерть

отдельного человека «не пробивает никакой брешки в структуре общества». Во многих хорошо развитых странах Запада кончина человека становится только делом врачей и продавцов похоронных услуг. Похоронный обряд проходит теперь проще и короче, а кремация становится обычным делом. Вместе с тем горевание людей по утрате близкого воспринимается как своего рода душевное заболевание. Смерть теперь удалена от общества, ее скрывают также и от самого умирающего.

Мы видим, что отношение к смерти у людей меняется на протяжении всей истории. Ф. Арьес объясняет это тем, что некоторые «переменные» вступают между собой в различные сочетания, сложно меняющиеся в ходе истории.

К этим переменным он относит:

1. Индивидуальное самосознание (то значение, которое придается индивиду и группе).
2. Защитные механизмы против неконтролируемых сил природы, угрожающие социальному порядку (наиболее опасные из них силы — секс и смерть).
3. Веру в загробное существование.
4. Веру в тесную связь между злом и грехом, а также страданием и смертью.

А.Я. Гуревич подчеркивает, что восприятие и переживание смерти — неотрывный ингредиент социаль-

Триумф смерти (XV в.). Фреска в Ора-
торио деи Дициплини г. Клузоне, Лом-
бардия.

но-культурной системы, и установки в отношении этого биологического феномена обусловлены сложным комплексом социальных, экономических, демографических отношений, преломленных общественной психологией, идеологией, религией и культурой. Вычленение понятия смерти «в качестве антропологического аспекта социально-культурной тотальности вполне

оправданно и дает возможность в новом ракурсе и более глубоко и многосторонне увидеть целое — общественную жизнь людей, их ценности, идеалы, надежды и страхи, их отношение к жизни, их культуру и психологию» [11, с. 30].

A young boy with dark hair, wearing a striped tank top and shorts, is sitting on a stone ledge. He is looking towards the water on his right. His right foot is in the water, creating a splash. The background is a body of water with ripples. The overall color palette is monochromatic, with shades of blue and grey.

3

КРАТКИЙ
ЭКСКУРС
В ИСТОРИЮ
ДЕТСТВА

Детей варят. (Francesco Maria Guazzo «Compendium Maleficarum», 1608). «Инфантицидные действия родителей обычно проецировались на евреев или ведьм, как на этой картинке» [13].

«История детства — это кошмар, от которого мы только недавно стали пробуждаться. Чем глубже в историю — тем меньше заботы о детях и тем больше у ребенка вероятность быть убитым, брошенным, избитым, терроризированным и сексуально оскорбленным» [13, с. 14].

Несмотря на значительное количество дошедших до нас исторических источников по истории детства, все же существует проблема исторической достоверности данных фактов. Так, в биографических свидетельствах о детстве, по мнению Л. Демоза, существует немного достоверной информации о первых годах жизни героя. Детство идеализируется: многое скрыто, искажено, смягчено или проигнорировано.

Анализируя работы отечественных и западных исследователей по истории детства, мы видим, что должно было пройти немало времени, прежде чем ребенок стал восприниматься как самостоятельный, полноценный член общества. Интерес к детству возник не сразу, и не сразу общество стало обращать свое внимание на проблемы детского раз-

вития, воспитания, детского здоровья и борьбы с детской смертностью. И как пишет отечественный психолог, социолог и антрополог И.С. Кон: «Все народы по-своему заботятся, любят и выращивают потомство. Но от инстинктивной потребности в продолжении рода до индивидуальной любви к ребенку, благополучие которого становится смыслом и осью собственного существования родителей, — дистанция огромного размера» [19, с. 145].

Греческий мужчина, играющий с пенисом мальчика [13]

3.1. Типы отношений родителей и детей в истории

Л. Демоз приводит следующую периодизацию типов отношений родителей и детей в истории [13].

От античных времен до IV в. н. э.

Над античным детством витает образ Медеи, поскольку миф в данном случае только отражает действительность. Когда родители боялись, что ребенка будет трудно воспитать или прокормить, они обычно убивали его, и это оказывало огромное влияние на выживших детей. У тех, кому повезло выжить, преобладали проективные реакции, а возвратные реакции находили выражение в гомосексуальных половых актах с детьми.

Ребенок в качестве любовника матери. «Как правило, чопорные средневековые портреты матери с ребенком иногда перемежаются портретами наподобие этих, которые показывают желание, чтобы ребенок был любовником и страстно обнимал бы мать» [13].

Под проективной реакцией подразумевается то, что ребенка могли использовать как сосуд для проекции содержания своего собственного бессознательного; под возвратной реакцией — использование ребенка как заместителя фигуры взрослого, значимого для него в его собственном детстве.

Проективная и возвратная реакции у родителей прошлого часто смешивались, производя эффект, который в литературе называется двойным образом: ребенок рассматривается как полный проективных желаний, подозрений и сексуальных мыслей взрослого и в то же время как отцовская или материнская фигура. Ребенок был одновременно плохим и любимым и действовал, как защита взрослого, его главной функцией было умерить растущие тревоги взрослого [13].

В IV-XIII вв.

Оставляющий стиль (abandoning). Родители начинают признавать в ребенке душу, и единственным способом избежать проявления опасных для ребенка проекций становится фактический отказ от него. Ребенка могли отдать навсегда в чужую семью или окружали

строгой эмоциональной холодностью дома. Его могли отправить к кормилице, в монастырь или в заведение для маленьких детей, а также в дом другого знатного рода в качестве слуги или заложника. Символом этого стиля можно назвать Гризельду, которая охотно отказалась от своих детей, чтобы доказать любовь к мужу. Или одну из популярных до XIII в. картин с изображением суровой Марии, которая крепко, почти до удушья, сжимает в руках младенца Иисуса. В этот период проекции по-прежнему очень сильны: ребенок полон зла, его надо все время бить. Однако возвратные реакции значительно ослабевают, что видно из уменьшения числа гомосексуальных связей с детьми.

В XIV-XVII вв.

Амбивалентный стиль. Данный этап отмечен сильной двойственностью. Ребенку позволяют влиться в эмоциональную жизнь родителей, однако он по-прежнему является вместилищем опасных проекций взрослых. Так, задачей родителей было «отлить» его в «форму», «выковать». У философов от Доминичи до Локка самой популярной метафорой было сравнение детей с мягким воском, гипсом, глиной, которым необходимо придать форму. Появляются руководства по воспита-

Бабка Христа, играющая с его пенисом (1511). Ханс Бальдунг Грин (Baldung Grien, Hans, 1480-1545). «Предполагалось, что бабушки мастурбируют своих внуков» [13].

нию детей, распространяется культ Марии и младенца Иисуса, а в искусстве становится популярным «образ заботливой матери».

В XVIII в.

Навязывающий стиль. Этот стиль стал возможен после ослабления проективных реакций и фактического исчезновения возвратных реакций, что стало завершением великого перехода к новому стилю отношений. Ребенок становится в меньшей степени отдушиной для проекций, и родители стараются исследовать его не столько изнутри «с помощью клизмы», сколько сблизиться с ним более тесно и обрести власть над его умом, и уже посредством этой власти контролировать его внутреннее состояние, гнев, потребности, мастурбацию и саму его волю. Когда ребенок воспитывался такими родителями, его нянчила родная мать. Он не подвергался пеленанию и постоянным клизмам, его рано приучали ходить в туалет. Не заставляли, а уговаривали. Били иногда, но не систематически. Наказывали за мастурбацию. Повиноваться заставляли чаще с

«Кобыла» для школьника.
«Эти римские (Геркуланеум) и средневековые (1140) школьные сцены иллюстрируют одну популярную при порках школьников позицию, которую в английских школах 19-го века называли «horsing» (кобыла)» [13].

помощью слов. Угрозы пускались в ход гораздо реже, так что стала вполне возможной истинная эмпатия. Некоторым педиатрам удавалось добиться общего улучшения заботы родителей о детях, и в результате произошло снижение детской смертности, что положило основу демографическим изменениям в XVIII в.

В XIX — середине XX вв.

Социализирующий стиль. Проекции продолжают ослабевать, и воспитание ребенка заключается уже не столько в овладении его волей, сколько в тренировке ее, направлении на правильный путь. Ребенка учат приспосабливаться к обстоятельствам, социализируют. До сих пор в большинстве случаев, когда обсуждают проблему воспитания детей, принимают как нечто само собой разумеющееся социализирующую модель, этот стиль отношений стал основой всех психологических моделей XX в. (от фрейдовской «канализации импульсов» до скиннеровского бихевиоризма). Особенно это относится к модели социологического функционализма. В XIX в. отцы стали гораздо чаще выказывать интерес к своим детям, иногда даже освобождая мать от хлопот, связанных с воспитанием.

Плачущий ангелок.
Альбрехт Дюрер (Albrecht Dürer, 1471—1528).

Эдмунд Адлер (Edmund Adler, 1876–1965).

Урок музыки (1950).
Викторжевская Зинаида
Власовна (Россия,
1905-1980).

С середины XX в.

Помогающий стиль. Этот стиль основан на допущении, что ребенок лучше, чем родитель, знает свои потребности на каждой стадии развития. В жизни ребенка участвуют оба родителя, они понимают и удовлетворяют его растущие индивидуальные потребности. Не делается совершенно никаких попыток дисциплинировать или формировать «черты». Детей не бьют и не ругают, им прощают, если они в состоянии стресса устраивают сцены. Такой стиль воспитания требует огромных затрат времени, энергии, а также бесед с ребенком, особенно в первые шесть лет, потому что помочь ребенку решать свои ежедневные задачи невозможно, не отвечая на его вопросы, не играя с ним. Это означает — быть слугой, а не повелителем ребенка, разбираться в причинах его эмоциональных конфликтов, создавать условия для развития интересов, уметь спокойно относиться к периодам регресса в развитии.

Таким образом, анализируя работы отечественных и западных исследователей по теме истории детства, мы видим, что должно было пройти немало времени, прежде чем ребенок стал восприниматься как самостоятельный, полноценный член общества. Интерес

к детству возник не сразу, и не сразу общество стало обращать свое внимание на проблемы детского развития, воспитания, здоровья и борьбы с детской смертностью.

3.2. Возникновение категории детства как особой социально- психологической и возрастной категории

По мнению российского психолога В.В. Абраменковой, отношение к ребенку и детству на протяжении всего периода истории претерпело существенные изменения: «путь от ребенка, как раба, которого можно было продать, к ребенку как цели патриархального брака; от ребенка — маленького взрослого — к ребенку как самостоятельной, ценной в себе личности» [1, с. 118].

Обращаясь в прошлое, мы видим, что исторически понятие детства связывалось не с биологическим состоянием незрелости, а с определенным социальным статусом, с кругом прав и обязанностей, присущих этому периоду жизни, с набором доступных для него видов и форм деятельности.

На основании этнографических материалов советский психолог Д.Б. Эльконин [48] показывает, что на самых ранних ступенях развития человеческого обще-

ства, когда основным способом добывания пищи было собирательство с применением примитивных орудий для сбивания плодов и выкапывания съедобных корней, ребенок очень рано приобщался к труду взрослых, практически усваивая способы добывания пищи и употребления примитивных орудий. При таких условиях у общества не было времени для подготовки детей к будущей трудовой деятельности. И детство возникает тогда, когда ребенка нельзя непосредственно включить в систему общественного воспроизводства, поскольку ребенок еще не может овладеть орудиями труда в силу их сложности. Ф. Арьес обозначает, что категория детства, как особая социально-психологическая и возрастная категория, появилась сравнительно

недавно. В средние века ребенок не был отделен от взрослых ни социально, ни психологически. Дети носили ту же одежду, что и взрослые, только меньшего размера, выполняли ту же самую работу, что и они. Все реалии жизни были перед глазами детей: рождение, смерть, интимные отношения взрослых.

Для первобытного, античного и средневекового общества характерна двойность в отношении к детям: ребенок воспринимается как невинное существо

Неизвестный художник
до 79 года н. э. (Theodore H. Feder
«Great Treasures of Pompeii and
Herculaneum», 1978).

и в то же время как воплощение природного зла. Психолог Дж. Луиза Десперт [54] отмечает, что в античные времена Греции и Рима, в добиблейские годы на Ближнем Востоке, ребенка часто рассматривали как нежелательный результат половых отношений. Дети могли представлять и сугубо материальную ценность, так, по одной из библейских историй, Иосифа в рабство продали родные братья. В Уганде женщины и маленькие дети не имели статуса лиц и воспринимались как вещи или как нечто среднее между человеком и вещью. В Древней Японии ребенка признавали полноценным членом общества только после совершения необходимых обрядов. Во Франции мы встречаем примеры того, как детей дискриминировали в похоронном обряде. В средневековой Германии слово «ребенок» долгое время было синонимом понятия «дурак». Если говорить о средневековой России (XVI и XVII вв.), то здесь уместно привести описание отечественного историка и публициста Н.И. Костомарова о взаимоотношениях родителей и детей в семье: «Между родителями и детьми господствовал дух рабства, прикрытый ложной святостью патриархальных отношений. Покорность

Семья эпохи Елизаветы за обедом. «Самый маленький ребенок ест стоя, более старший прислуживает семье» [13].

детей была более рабская, чем детская, и власть родителей над ними переходила в слепой деспотизм без нравственной силы. Чем благочестивее был родитель, тем суровее обращался с детьми, ибо церковные понятия предписывали ему быть как можно строже. Слова почитались недостаточными, как бы убедительны они ни были. Домострой запрещает даже смеяться и играть с ребенком» [40. с. 115].

В средние века детство считалось периодом быстро проходящим и малоценным. Как только ребенок мог обходиться без постоянной заботы своей матери, няньки или кормилицы, выходил из возраст-

ного периода высокой смертности, то есть периода, когда было неизвестно, сможет ли он выжить, он принадлежит к обществу взрослых. А слишком маленький ребенок, который не в состоянии еще войти в жизнь взрослых, в тот период был «не в счет». Безразличие по отношению к детству, по мнению Ф. Арьеса, было прямым следствием демографической ситуации того времени, отличавшейся высокой рождаемостью и большой детской смертностью. Открытие детства началось в XIII в. Его развитие можно проследить в истории живописи XIV–XVI вв., но очевидность этого открытия наиболее полно проявляется в конце XVI и в течение всего

Портрет кормилицы с ребенком (1620). Франс Хальс (Frans Hals, 1582/83-1666).

XVII столетия. В этот же период (в XVI–XVII вв.) появляется специальная детская одежда, отличающая ребенка от взрослого, что можно считать проявлением глубоких внутренних изменений отношения к детям в обществе. Теперь дети начинают занимать важное место в жизни взрослых.

Семейный портрет (1631). Корнелис де Вос (Cornelis de Vos, 1585-1651).

Таким образом, детство как понятие и его специфическая роль в жизни семьи складывается к XVII в., когда новые течения в христианстве (протестантские, контрреформационные католические) меняют установки в отношении к ребенку. Происходит открытие «детства». Это стало возможным благодаря укреплению внутрисемейных связей и возросшей заботы родителей о детях. Но нельзя также забывать, что забота о детях и идея воспитания появились задолго до средних веков. Так, например, у Аристотеля встречаются мысли, посвященные детям.

3.3. Организованная подготовка детей к взрослой жизни

В XVII в. дети стали восприниматься окружающими как полноценные личности. Вместе с тем в это время растут и опасения относительно предрасположенности ребенка к греху, что приводит к созданию педагогики ограничений и наказаний. Ф. Арьес соотносит «открытие детства» с утратой ребенком собственной свободы. Если раньше воспитанием детей не занимались, то сейчас наступает время ограничений и муштры. Эти изменения связываются с религиозным и идеологическим влиянием. Но благодаря многолетней гуманистической пропаганде Э. Роттердамского, Т. Элиота, Я.А. Коменского и других в конце XVII — начале XVIII вв. отношение к детям смягчается. Телесные наказания применяются реже, появляются понятия о человеческом достоинстве ребенка, а позже о его праве на более или менее самостоятельный выбор жизненного пути.

Если обратиться к трудам педагогов XVII в., то мы увидим, что любовь к детям теперь выражается не в баловании их, а в психологическом интересе к воспитанию и обучению. Для того чтобы исправить поведение ребенка, необходимо понять его, и научные тексты конца XVI и XVII вв. полны комментариев относительно детской психологии. Глубокие педагогические идеи, советы и рекомендации со-

держатся также и в произведениях русских авторов XVI–XVII вв.

В XVIII в. внимание родителей начинают привлекать все стороны детской жизни. Но функцию организованной подготовки детей к взрослой жизни принимает на себя не семья, а специальное общественное учреждение — школа, призванная воспитывать квалифицированных работников и примерных граждан. Именно школа, по мнению Ф. Арьеса, вывела детство за пределы первых 2–4 лет материнского, родительского воспитания в семье. Школа благодаря своей регулярной, упорядоченной структуре способствовала дальнейшей дифференциации того периода жизни, который обозначается общим словом «детство». Универсальной мерой, задающей новую разметку детства, стал «класс». Ребенок вступает в новый возраст каждый год, как только меняет класс.

Следующий возрастной уровень связывается с институтом военной службы и обязательной воинской повинности. Это подростковый, или юношеский, возраст. Понятие «подросток» приводит к дальнейшей перестройке обучения. Педагоги начинают придавать большое значение форме одежды и дисциплине, воспитанию стойкости и мужественности, которыми ранее пренебрегали.

3.4. Правовой статус ребенка

Впервые права детей как самоценный феномен были признаны во Франции в 1792 г. в документе «Провозглашение прав ребенка». Но до середины XIX в. не существовало правовых средств, способных защитить детей от правосудия, учитывающих их несовершеннолетний возраст и отсутствие жизненного опыта.

В США, например, действовали законы, устанавливающие равную уголовную ответственность как для взрослых, так и для несовершеннолетних.

Наконец в XIX–XX вв. появляются предпосылки для общественного понимания и рассмотрения прав детей, их защиты от рабства, экономической

эксплуатации, произвола родителей. Формируется правовой статус ребенка, когда с помощью законодательства об охране детства вводится запрет на детский труд.

Дети (17 в.). Филипп де Шампань (Philippe de Champaigne, 1602-1674).

В этот же период зарождается и детская психология как

ветвь сравнительной психологии. Точкой отсчета для систематических исследований психологии ребенка служит книга немецкого ученого-дарвиниста Вильгельма Прейера «Душа ребенка» (*Die Seele des Kindes*), изданная в 1882 г. В ней В. Прейер описывает результаты ежедневных наблюдений за развитием собственного сына, обращая внимание на развитие органов чувств, моторики, воли, рассудка и языка. Несмотря на то, что наблюдения за развитием ребенка велись задолго до появления книги В. Прейера, его бесспорный приоритет определяется обращением к изучению самых ранних лет жизни ребенка и введением в детскую психологию метода объективного наблюдения, разработанного по аналогии с методами естественных наук. В. Прейер первый осуществил переход от интроспективного к объективному исследованию психики ребенка.

На рубеже XIX–XX вв. были созданы первые демократические детские организации. Со временем размах детского правозащитного движения достиг такого уровня, что международная общественность стала называть XX в. веком ребенка.

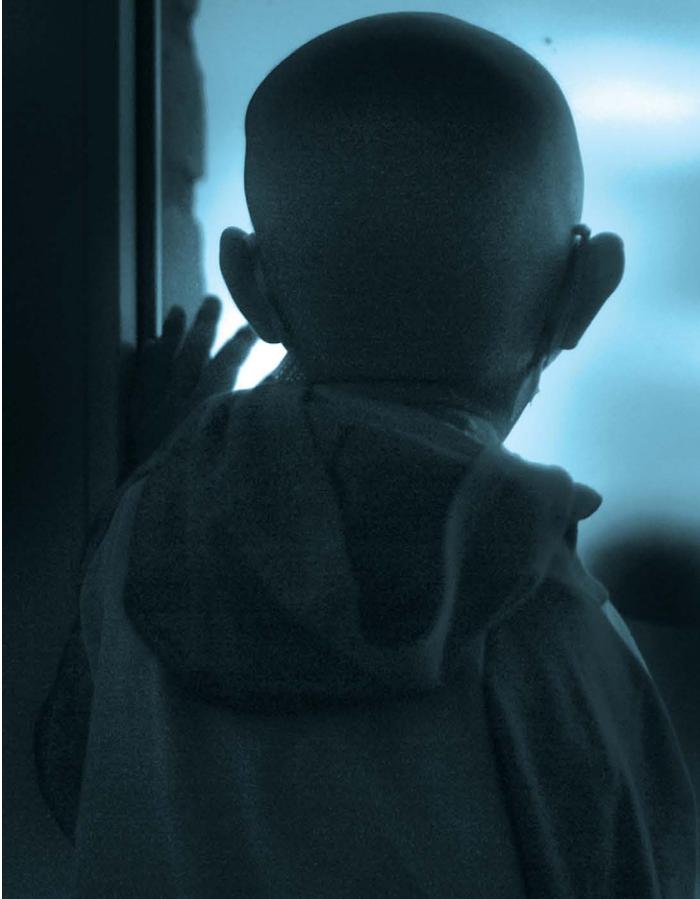
В 1923 г. Советом Международного союза спасения детей была принята Декларация о правах ребенка. В 1924 г. в Женеве Лига Наций на 5-й сессии приняла данную Декларацию права ребенка. В 1989 г. ЮНЕСКО была принята Конвенция о правах ребенка, которая была ратифицирована большинством

стран мира. Конвенция была направлена на обеспечение полноценного развития личности ребенка в каждом уголке Земли.

4

ДИНАМИКА ОТНОШЕНИЯ К ЦЕННОСТИ ДЕТСКОЙ ЖИЗНИ И ДЕТСКОЙ СМЕРТНОСТИ В ИСТОРИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ

«У людей прошлого потребность изуродовать, обжечь или сжечь, заморозить, утопить, с силой швырнуть или тряхнуть ребенка постоянно находила проявление» [13].

Обращаясь к дошедшим до нас историческим источникам, среди которых богатый археологический материал и многочисленные письменные памятники, мы видим, что на протяжении всей истории человечества, приблизительно до середины XVI в., общество в целом не дорожило детской жизнью.

Ситуация существенно меняется с ростом материального благополучия общества, развитием индивидуального самосознания людей, укреплением эмоциональных уз семьи.

4.1. Частота детоубийства

В первобытном обществе люди не всегда могли прокормить себя, не говоря уже о детях, поэтому во время голода и засухи они были вынуждены избавляться от детей. У народов, стоящих на низшей ступени исторического развития, живущих собирательством и не имеющих физической возможности прокормить большое потомство, убийство новорожденных младенцев считалось нормальным явлением. И.С. Кон приводит следующий пример: «У бушменов мать кормит ребенка грудью до 3–4 лет, когда можно будет найти подходя-

щую для него пищу... Часто второй или даже несколько детей рождаются, когда мать еще кормит грудью первого. Но молока матери не хватает на всех детей, да и больше одного ребенка она не смогла бы носить на большие расстояния, которые проходит в поисках пищи. Поэтому нередко последнего новорожденного убивают сразу после появления на свет» [19, с. 122].

Также в первобытном обществе был принят инфантицид [от лат. *infans (infantis)* — дитя, младенец, ребенок; и *-цид* — суффикс, указывающий на уничтожение чего-либо] — специфическая форма каннибализма, означающая поедание собственных детенышей. Большинство исследователей связывают его распространность прежде всего с низким уровнем материального производства в этот период.

Если рассматривать Библию как древний исторический источник, то здесь мы можем встретить около двух тысяч упоминаний о детях, среди которых масса сцен принесения маленьких детей в жертву и их избияния.

Обычай жертвоприношения детей существовал у многих народов: ирландских кельтов, галлов, скандинавов, египтян, финикийцев, моавитян, аммонитян, а в некоторые периоды — у евреев. Археологи обнаружили тысячи скелетов принесенных в жертву детей, что часто сопровождалось надписями, гласящими, что жертва — первый сын знатной семьи.

Так, в Карфагене жертвоприношения детей были также частным явлением. Вот как описывает это Плутарх:

«...с полным сознанием происходящего они сами приносят в жертву собственных детей, а те, у кого детей нет, должны купить маленького ребенка у бедных. Детям перерезают горло, будто птичкам или ягнятам, а мать присутствует при этом без слез и причитаний. Если бы она издала хоть малейший стон или проронила хоть одну слезу, ей пришлось бы платить денежный штраф, а ее ребенка все равно принесли бы в жертву. Все пространство перед статуей заполнено громким гомоном флейт и барабанов, чтобы крики горя не доходили до ушей толпы» [13, с. 4].

В древней Японии убийство младенца не считалось тяжким преступлением, оно означало «отправить назад», «возвратить» в мир духов. На Филиппинах же уже пятимесячный плод считался человеком, и в случае выкидыша его хоронили с соблюдением всех обрядов. Иметь детей здесь считалось почетным, и все члены общины обычно были ласковы и внимательны к детям.

В древней Спарте было нормальным довольно жестокое обращение с детьми. Спартанцы избавлялись от физически слабых младенцев. Они объясняли это тем, что в будущем такие дети не смогут защитить своих родителей и свою страну.

До IV в. н. э. ни закон, ни общественное мнение не осуждали детоубийство в Греции или в Риме, так же относились к нему и крупные философы. Античные авторы указывают на повседневность и распространенность детоубийства: детей швыряли в реку, в кучу навоза, в помойную яму, сажали в кувшин, чтобы умирить голодом, оставляли на пригорке или на обочине дороги «на растерзание птицам и диким зверям» (Еврипид, *Ион*, 504). Ребенок в это время рассматривается как низшее существо, как собственность родителей. Право полновластно распоряжаться жизнью и смертью детей было отобрано у отцов только в конце IV в. н. э. А инфантицид стали считать преступлением только при императоре Константине в 318 г., и к человекоубийству он был приравнен лишь в 374 г.

Такие видные умы древности, как Гиппократ (лат. Hippocrates; род. около 460 до н. э. – ум. между 377 и 356 гг. до н. э.), знаменитый древнегреческий врач, и римский врач, родоначальник гинекологии Сорон Эфесский (лат. Soranus; род. 98 – ум. 138 гг.), в своих работах обсуждают, какие именно новорожденные заслуживают жизни. Так, ребенка, который не был безупречен по форме или размерам, который слишком мало или слишком много кричал или по каким-то признакам не подходил к описанию в гинекологическом трактате «Как определить, стоит ли воспитывать новорожденного», как правило, убивали. Однако первому ребенку в семье обычно сохраняли жизнь, особенно если это был мальчик.

Древнегреческий ученый и философ Аристотель (Aristotélēs, род. 384 – ум. 322 гг. до н. э.) считал, что ни одного калеку-ребенка не следует кормить. Он пишет относительно того, бросить или воспитать родившихся детей, что должен быть закон, по которому неуродливого ребенка надо воспитывать; но что касается числа детей, если действующие законы препятствуют тому, чтобы кто-нибудь из рожденных был выброшен, должен существовать предел воспроизведению потомства.

Римский государственный деятель, оратор, теоретик риторики и философ Цицерон Марк Туллий (Cicero, род. 106 – ум. 43 гг. до н. э.) в своих трудах говорит о том, что смерть ребенка следует переносить «со спокойной душой».

Луций Анней Сенека (лат. Lucius Annaeus Sēneca minor; род. в IV в. до н. э.), римский философ-стоик, поэт и государственный деятель, пишет о том, что разумнее топить слабых и уродливых младенцев: «Мы разбиваем голову бешеному псу; мы закалываем неистового быка; больную овцу мы пускаем под нож, иначе она заразит остальное стадо; ненормальное потомство мы уничтожаем; точно так же мы топим детей, которые при рождении оказываются слабыми и ненормальными. Так что это не гнев, а разум, отделяющий больное от здорового» [13, с. 4].

Древнегреческий философ Аристипп (греч. Ἀριστίππος, лат. Aristippos; род. ок. 435 – ум. ок. 355 гг. до н. э.)

считал, что мужчина может делать со своими детьми все, что ему заблагорассудится, ибо «разве мы не сплевываем лишнюю слюну или не отшвыриваем вошь, как нечто ненужное и чужеродное?» — писал он.

По наблюдениям Л. Демоза, иудейский философ и богослов Филон (Φίλων Ἀλεξανδρεὺς; род. ок. 25 до н. э. – ум. ок. 50 г. н. э.) вероятно был первым из тех, кто высказался против детоубийства: «Некоторые совершают это собственными руками; с чудовищной жестокостью и варварством они душат новорожденное дитя, едва успевшее сделать первый в жизни глоток воздуха, бросают в реку или в море, привязав что-нибудь тяжелое, чтобы дитя как можно быстрее погрузилось в пучину. Другие оставляют их в каком-нибудь пустынном месте, надеясь, как говорят сами, что кто-нибудь спасет ребенка, на самом же деле обеспечивая ему ужаснейшую участь. Ибо все звери, питающиеся человеческим мясом, собираются и беспрепятственно пируют над телом ребенка — прекрасный званый обед, устроенный зверям единственными опекунами ребенка, которые призваны беречь его и охранять, его отцом и матерью. Хищные птицы тоже слетаются и жадно расклеивают остатки...» [52, с. 346–347].

Истинная частота детоубийства в Средневековье представляется также существенной. В 1527 г. один священник признает, что «отхожие места оглашены криками выброшенных в них детей». Формальные за-

Смерть уносит ребенка
(1583).
Ганс Гольбейн.

писи показывают немногие случаи рождения вне брака, и именно поэтому мы не можем довольствоваться допущением, что «в традиционном обществе люди остаются в целомудрии до брака», поскольку многие девушки ухитрились скрыть беременность от матерей, с которыми спали в одной кровати, не говоря уже о церкви.

В средние века детей дискриминировали и в похоронном обряде. Во Франции детей знати хоронили на кладбище, как бедных, и лишь в конце XVII в. стали хоронить в фамильных склепах, рядом с родителями. Многие теологи считали ненужным служить заупокойные мессы по детям, умершим до семилетнего возраста.

В российском обществе, согласно Уложению 1649 г., убийство сына или дочери каралось всего лишь годичным тюремным заключением, тогда как детей, посягнувших на жизнь родителей, закон предписывал казнить «безо всякой пощады». Это неравенство было устранено в 1716 г., когда Петр I собственноручно приписал к слову «дитя» добавление «во младенчестве», ограждая тем самым жизнь новорожденных и грудных детей.

В XVIII в. в каждой стране открывали дома для найденышей, куда отовсюду поступали малыши. Дома очень быстро переполнялись.

В России в медицинской науке до XVIII в. существовало убеждение о том, что ребенка до двух лет не нужно лечить, поскольку им еще распоряжается Бог или природа.

До XIX в. детей также замуровывали в стенах, в фундаментах при закладке зданий и мостов, чтобы сделать их более крепкими.

А в свидетельствах современников конца XIX столетия мы встречаем информацию о том, что родители прибегали к услугам «нянек для убийства детей». Луи Адамик описывает, как матери отправляли к ним детей, когда хотели избавиться от них: «Няньки выставляли их на мороз после горячей ванны; кормили чем-то, вызывающим спазмы желудка и кишечника; подмешивали в молоко гипс, буквально оштукатуривавший внутренности; закармливали после того, как в течение двух дней заставляли голодать...» [3, с. 242].

4.2. Новое значение, придаваемое личности ребенка

С XIII по XVII вв. детская смертность по-прежнему остается на очень высоком уровне, но дети в этот пе-

риод уже воспринимаются по-новому, за ними начинают признавать право быть чем-то особенным, право, в котором им отказывали раньше. Новое значение, придаваемое личности ребенка, было связано с более глубокой христианизацией нравов. А век спустя открыли оспопрививание, что благоприятствовало практической гигиене, позволяло уменьшить смертность среди населения и контролировать рождаемость.

Дидье Летт пересмотрел традиционный образ средневекового отца (*paterfamilias*), который ранее считался исключительно равнодушным, авторитарным по отношению к телу и душе своего потомства. И обнаружил, изучив рассказы о чудесах, где встречаются трагические эпизоды, образцы великой отцовской любви. Автор приводит исповедь флорентийского отца семейства, гуманиста Джаноццо Манетти, содержащуюся в его мемуарах, где он вспоминает о чуме 1449–1450 гг., когда он потерял своего единственного сына, жену и семерых дочерей. Манетти сравнивает тело своего умершего сына с телом Христа. Он восхищается сыном, который сумел перед лицом смерти вести себя как истинный христианин: «Подойдя к порогу смерти, он являл собой восхитительное зрелище, когда, несмотря на свой столь юный и нежный возраст — четырнадцать с половиной лет, — сознавал, что умирает... В течение своей болезни он три раза с большим раскаянием исповедался, принял святые дары Господа Нашего Иисуса Христа с таким благоговением, что все присутствовавшие преисполнились любовью к Богу; наконец, попросив священного елея и

продолжая читать псалмы вместе с окружавшими его монахами, он мирно отдал душу Богу» [3, с. 15].

По мере того как утверждается культ младенца Иисуса, повышается и ценность детства как такового. Чаше проявляется беспредельная скорбь по поводу потери детей. Уже в XV в. появляются «алтари отсрочки», куда

приносили мертворожденных детей. Считалось, что там они на короткое время обретают жизнь для того, чтобы получить крещение. Таким образом, смерть некрещеных детей отсрочивалась, дабы они не попали в лимб (лат. *limbus* — рубеж, край; в католицизме — место пребывания не попавших в рай душ, не являющееся адом или чистилищем).

Мысль о том, чтобы сохранить образ ребенка, не возникала, если ребенок выжил и стал взрослым или если он умер в младенчестве. В первом случае детство рассматривалось как переходный период, о котором не стоит фиксировать память; в случае смерти ребенка — его ранний возраст не заслуживал внимания. Поэтому люди старались родить побольше детей, чтобы сохранить из них хотя бы нескольких.

Св. Антоний воскрешает ребенка (1460).
Пьеро делла Франческа (Piero della Francesca, 1420-1492).

В начале XVI в., несмотря на более ценностное отношение к детям, чем ранее, знатные люди, пышно празднуя рождение детей, в целом все еще довольно спокойно переживают их потерю. Слишком многие умирали. Французский писатель и философ эпохи Возрождения Мишель де Монтень (Michel de Montaigne) писал: «Я сам потерял двоих или троих детей, правда, в младенческом возрасте, если и не без некоторого сожаления, но во всяком случае без ропота» [30, с. 156]. Но такое отношение к утрате ребенка не означает, что детей не любили. Средневековые хроники, жития святых и документы XVI–XVII вв., донесли до нас множество трогательных историй о самоотверженных и ласковых матерях и внимательных воспитателях. Важно, что в это же время появляются портреты умерших детей, и их смерть, по мнению Ф. Арьеса, постепенно начинает переживаться как действительно невосполнимая утрата, а не как рядовое

событие. Это важный момент в истории чувств. Увлечение портретом показывает, что дети выходят из анонимности, в которой они находились из-за малых шансов выжить.

Детская смертность была необычайно высока, в том числе и в высших слоях общества. Опираясь на письмен-

Время черной смерти в живописи Бубонной чумы. Старший (Hans Holbein der Ältere, 1465-1524).

ные источники, мы видим, что в приходе Дальбад 36% похороненных были моложе 10 лет, в Сент-Этьен — 32%, в Дораде — 57%. Детские захоронения составляли около трети от общего числа захоронений, совершавшихся в течение года в церквах, и больше половины (на кладбище Сен-Совёр в приходе Сент-Этьен — 48%) — на кладбищах. Доля захоронений детей в возрасте около 10 лет была выше на кладбищах, но и в церквах она оставалась весьма значительной. Напротив, младенцев, детей в возрасте до года, почти всегда хоронили именно на кладбищах. Даже если сами родители выбирали для себя престижные места в церкви, их умерших детей в возрасте до года хоронили на кладбище. Тела младенцев, как и тела бедняков, зашивали в грубую ткань (дерюгу) и бросали в большие братские могилы. В Стране Басков, по замечанию Ф. Арьеса, долго держался обычай хоронить умерших некрещеных детей в доме под порогом или в саду. Рано умершего ребенка хоронили где придется, как закапывают сегодня домашнее животное. Младенец мало значил и был связан с жизнью столь тонкими нитями, что никто не боялся, что он будет возвращаться после смерти.

В конце XVII в., когда отношение к детям меняется, от 4% до 18% самых маленьких детей в трех тулузских приходах обретают вечный покой в церквах рядом со своими родителями, братьями и сестрами. И спустя полтора века именно маленький ребенок будет с наибольшей любовью представлен в надгробном искусстве больших городских кладбищ Италии, Франции, Амери-

ки [3]. Читая книги утешения и обращая внимание на надгробные памятники этой эпохи, мы можем чувствовать, насколько смерть ребенка начинает ощущаться как нестерпимо болезненная для живых. Детей теперь увековечивают в камне с необыкновенным реализмом и живостью, что дает горяющему родителю ощущение физического присутствия умершего ребенка.

Ф. Арьес приводит такой пример: «На кладбище в Ницце, где самые ранние памятники относятся к 1835 г., мы видим девочку 8 лет, встречающую на небесах своего братишку, ушедшего вслед за ней в мир иной. Мальчик в рубашечке бросается в объятия к сестре. Обе детские фигуры — в натуральную величину, надгробие воздвигнуто на рубеже XIX–XX вв. Подобную же сцену я нашел на кладбище Сан-Миниато близ Флоренции: сестры Эмма и Бьянка встречаются друг друга на небесах. Сходство этих двух композиций, созданных в один и тот же период, заставляет думать, что они или принадлежат резцу одного и того же скульптора, или представляют очень распространенный тогда сюжет надгробной иконографии... Можно обнаружить и более скромные воплощения того же самого чувства. Так, на кладбище в Орейане (Ланд де Гасконь) около маленькой церкви останавливаешься перед совсем крошечной статуей ребенка, выполненной наивно и неумело: дитя стоит на коленях и держит перед собой корону. На надгробной плите даже даты нет, но и это произведение датируется, несомненно, концом прошлого или началом нынешнего столетия» [3, с. 136–141].

Таким образом, обращаясь к дошедшим до нас историческим источникам, мы видим, что на протяжении всей истории человечества, приблизительно до середины XVI в., общество в целом не дорожило детской жизнью, и смерть детей воспринималась как рядовое событие. Вероятно, за исключением некоторых отдельных случаев, о чем свидетельствует эпитафия античного римского поэта Марциала (лат. Marcus Valerius Martialis; род. около 40 – ум. около 104) [53, с. 12]:

*«Не обнимай ее слишком крепко, дерн —
Она была так нежна и любила простор.
Будь легкой над нею, добрая мать-земля —
Она легко ступала по тебе маленькими ножками».*

РЕЗЮМЕ

С течением времени ребенок стал занимать важное место в жизни семьи и общества, но так было не всегда. С древности и вплоть до XIII в. детство, в целом, не воспринималось как нечто особенное. Лишь с XIII и по XVII вв., несмотря на то, что детская смертность по-прежнему остается на очень высоком уровне, дети уже воспринимаются по-новому и за ними признается право быть чем-то значимым, право, в котором им отказывали ранее. С ростом культа младенца Иисуса повышается ценность детства как такового, и глубокая скорбь по детям начинает проявляться чаще. В то же время в начале XVI в. знатные люди все еще пышно празднуют рождение детей, но в целом достаточно спокойно переживают их потерю. В конце XVII в. отношение к ценности детской жизни значительно меняется. Так, умерших детей теперь увековечивают в камне с необыкновенным реализмом и живостью, что дает горящему родителю ощущение физического присутствия умершего ребенка.

На основе проведенного анализа литературы мы смогли проследить, что динамика отношения к смерти ребенка на протяжении всей истории была напрямую связана с социально-экономическими факторами, к которым относят:

1. Улучшение демографической ситуации (сокращение взрослой и детской смертности);
2. Улучшение экономической ситуации (рост материального благополучия общества);

Семья у моря. Стив Хэнкс (Steve Hanks, 1949-2015).

3. Христианизация нравов;
4. Рост индивидуального самосознания людей (и то значение, которое придается индивиду в группе);
5. Укрепление эмоциональных уз семьи.

Развитие всех перечисленных факторов способствовало росту ценности детской жизни и формированию более глубоких чувств и переживаний при утрате родителями своего ребенка.

Отношение к детской смертности кардинально меняется к началу XX в. Развивается педиатрическое дело. Открываются специальные интернаты, где тяжелобольным детям-отказникам оказывается всесторонняя помощь. Развивается паллиативная медицинская

помощь в педиатрии, а вместе с тем утверждается и философия хосписной помощи, которая обращается к жизни и строится на убеждении, что благодаря персональному уходу и заботе окружающих дети и их близкие могут наиболее полно прожить последний период жизни больного.

В России в плане создания единой структурированной системы оказания паллиативной медицинской помощи детям стоит выделить Санкт-Петербургский Детский хоспис, который представляет собой партнерство трех организаций¹, успешно функционирующих вместе с 2003 г. Подобное сотрудничество позволяет реализовывать комплексный подход, при котором наряду с медицинской помощью ребенку также оказывается психологическая и духовная поддержка его близким. Привлекаются дополнительные возможности, позволяющие семье жить эмоционально полной жизнью, вопреки сложностям, обусловленным данной трудной жизненной ситуацией.

¹ Благотворительного фонда «Детский хоспис»; Санкт-Петербургского государственного автономного учреждения здравоохранения «Хоспис (детский)»; Автономной некоммерческой организации «Детский хоспис» (реорганизованной в 2016 г. путем преобразования Медицинского учреждения «Детский хоспис») (см. приложение).

ПРИЛОЖЕНИЕ

История Санкт-Петербургского Детского хосписа

История создания первого государственного Детского хосписа в Российской Федерации началась в Санкт-Петербурге, а именно в Николо-Богоявленском соборе, где служил о. Александр, куда приходили люди, которые нуждались в помощи для своих тяжелобольных детей. Храм поначалу помогал от случая к случаю: собирал средства, покупал лекарства, приглашал специалистов для дополнительных консультаций, но, по словам отца Александра, «хотелось сделать чуть больше».

В 2003 г. по инициативе Санкт-Петербургской епархии Русской Православной Церкви был организован Благотворительный фонд «Детский хоспис» под руководством протоиерея Александра Ткаченко. Хоспис начал свою работу как выездная служба, состоящая из социальных педагогов и психологов. Через три года, когда фонд оказывал помощь около 200 семьям в Санкт-Петербурге и Ленинградской области, стало очевидно, что пациентам не хватает медицинской помощи.

Так в 2006 г. БФ «Детский хоспис» учредил Медицинское учреждение «Детский хоспис». Получение лицензии на медицинскую деятельность позволило Медицинскому учреждению «Детский хоспис» принять на работу медицинских сестер, врачей и оказывать

медицинскую помощь на дому. Работа с тяжелобольными детьми включала в себя регулярные врачебные и сестринские посещения на дому и выездные мероприятия. Для малоимущих семей была организована доставка лекарств и продуктовых наборов. С детьми и их близкими занимались психологи, волонтеры. 2-3 раза в месяц организовывались выезды — в театры, на концерты, в музеи. Работа психолога с семьей продолжалась и после ухода ребенка из жизни

Приезжая в семьи, специалисты чувствовали, насколько дети и их близкие одиноки в своей беде. Именно тогда была сформулирована наша главная задача — всегда быть рядом с семьей, столкнувшейся с тяжелым неизлечимым заболеванием ребенка. Быть рядом, чтобы вместе преодолевать трудности, поддерживать в тяжелые минуты и помогать всем членам семьи полноценно жить, общаться и ценить каждый прожитый день.

К 2009 г. назрела необходимость перейти от инициативной работы небольшой некоммерческой организации к созданию государственного учреждения. Губернатор Санкт-Петербурга В.И. Матвиенко поддержала инициативу по созданию первого в России государственного хосписа для детей. Отец Александр выбрал место для будущего государственного Детского хосписа. Были выделены средства на реконструкцию здания на территории парка «Куракина дача» и приобретение оборудования.

Реконструкция бывшей летней резиденции Николаевского сиротского пансиона проводилась в соответствии с требованиями закона об охране памятников. Создать здесь современное медицинское учреждение можно было, только восстановив здание с полным сохранением внешнего вида, габаритов и применением исторических материалов.

Проект реконструкции переделывали трижды. В итоге в здании разместили абсолютно все, что задумывалось, включая широкие коридоры, современные лифты, чтобы можно было поднимать на второй и третий этаж детей-колясочников, бассейн, каминный зал, современную кухню и столовую.

Мы считаем, что все, что окружает наших пациентов, должно радовать и помогать им жить. На окружающей здание хосписа территории было установлено несколько интересных конструкций, в том числе, например, качели для колясочников, позволяющие ребенку самому заехать на них и даже самостоятельно раскачиваться без опасения, что коляска съедет. Многие наши дети на колясках здесь впервые ощутили, что такое качели. Обратите внимание на детскую площадку. Она тоже приспособлена для детей на колясках, имеет пандусы, по которым они могут передвигаться.

1 июня 2010 г. открылись двери СПб ГАУЗ «Хоспис (детский)», или просто «Волшебного дома», как иногда говорят про него пациенты. В нем предусмотрено все

для детей с ограниченными возможностями, но ничто здесь не напоминает больницу, потому что появлению первого в Российской Федерации государственного Детского хосписа предшествовали долгие и трудные 7 лет работы сотрудников Благотворительного фонда и Медицинского учреждения «Детский хоспис».

Собственно говоря, история появления Санкт-Петербургского государственного автономного учреждения здравоохранения «Хоспис (детский)» — это история сбывшейся мечты. Она родилась в душе одного человека, отца Александра Ткаченко, который воодушевлял людей работать вместе с ним ради ее воплощения.

Литература

1. Абраменкова В.В. Агиологическая психология детской святости // Вестник ПСТГУ VI: Педагогика. Психология. – 2007. – №1. – С. 118–145.
2. Арьес Ф. Человек перед лицом смерти. Пер. с французского / Под общ. ред. С.В. Оболенской; предисл. А.Я. Гуревича. – М.: Издательская группа «Прогресс» – «Прогресс-Академия», 1992. – 528 с.
3. Арьес Ф. Ребенок и семейная жизнь при Старом порядке. – Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 1999. – 416 с.
4. Арьес Ф. Возрасты жизни // Философия и методология истории / Под. ред. И.С. Кона. – М., 1977. – С.216–245.
5. Богданова Е.И., Черненко О.А. О психологической помощи родственникам детей, страдающих онкологическими заболеваниями // Сборник тезисов IV Всероссийского съезда онкопсихологов, Москва, 2012. – 70 с.– С. 26–28.
6. Вагайцева М.В., Чулкова В.А., Карпова Э.Б., Леоненкова С.А. Психологические исследования в онкологии // Вестник ЮУрГУ. Серия: Психология. – 2015. – №3. – С. 28.
7. Всемирная история. Энциклопедический словарь. – М.: Большая Российская энциклопедия, 2000. – 879 с.
8. Василюк Ф.Е. Психология переживания (анализ преодоления критических ситуаций). – М.: Издательство Московского университета, 1984. – 200 с.
9. Виноградов Г.С. Страна детей. Избранные труды по этнографии детства. – СПб.: Историческое Наследие, 1999. – 550 с.
10. Гнездилов А.В., Иванюшкин А.Я., Миллионщикова В.В. Дом для Жизни. – Человек. – 1994. – №5. – С. 116–121.
11. Гуревич А.Я. Культура и общество средневековой Европы глазами современников. – М., 1989. – 366 с.
12. Гуревич А.Я. Новые научные направления // Смерть как проблема исторической антропологии: о новом направлении в зарубежной историографии / Оп.: Одиссей-1989. – М., 1989. [Электронный ресурс]. URL: http://krotov.info/lib_sec/04_g/ur/evich_05.htm (дата обращения: 05.07.2014).
13. Демоз Л. Психоистория. – Ростов-на-Дону: Феникс, 2000. – 512 с.
14. Дольто Ф. На стороне ребенка. – СПб.: Петербург – XXI век, 1997. – 528 с.
15. Зайцева Т.И. Тема средневекового восприятия смерти в произведениях Мишеля Вовелля // Методологические и историографические вопросы исторической науки. Вып. 22. – Томск: Изд-во Томского ун-та, 1996. – С. 52–74.

16. Зидер Р. Социальная история семьи в Западной и Центральной Европе (конец XVII – XX век). – М., 1997. – 301 с.
17. Каплан Г.И., Сэдок Б.Д. Клиническая психиатрия. Т. 1 / Пер. с англ. – М.: Медицина, 1994. – 672 с.
18. Кошелева О.Е. История детства как способ реконструкции и интерпретации историко-педагогического процесса в зарубежной историографии // Всемирный историко-педагогический процесс: концепции, модели, историография. – М., 1997. – С. 185–216.
19. Кон И.С. Ребенок и общество: историко-этнографическая перспектива. – М.: Наука, 1988. – 269 с.
20. Кон И.С. Социологическая психология: избранные психологические труды. – Воронеж, 1999. – 156 с.
21. Корень Е.В., Масихина С.Н. Постстрессовые расстройства у родителей детей с онкологическими заболеваниями на этапе стационарного лечения // Консультативная психология и психотерапия. – 2014. – Т.22. – №1. – С. 90–105.
22. Ключников С.О., Сонькина А.А. Паллиативная помощь в педиатрии – мировой опыт и развитие в России // Педиатрия. Журнал им. Г.Н. Сперанского. – 2011. – №4 (90). – С.127–133.
23. Кулик А.А. Особенности временной перспективы семей, воспитывающих детей-инвалидов // Гуманитарный вектор. – №1 (33). – 2013. – 192 с. – С. 180–190.
24. Кюблер-Росс Э. О смерти и умирании. – Киев: София, 2001. – 320 с.
25. Лазуренко С.Б., Мазурова Н.В., Намазова-Баранова Л.С., Геворкян А.К., Кузенкова Л.М., Вашакмадзе Н.Д. Теоретическое и эмпирическое обоснование паллиативной помощи в педиатрии // ПФ. – 2013. – №2. – С. 101–106.
26. Мазурова Н.В. Модель психолого-педагогической помощи родителям детей с тяжелыми и хроническими заболеваниями: диссертация ... доктора психологических наук: 19.00.07 – М., Институт психолого-педагогических проблем детства, 2014. – 455 с.
27. Мид М. Культура и мир детства. – М.: Наука, 1988. – 429 с.
28. Микиртчян Г.Л. Отношение общества к неизлечимо больным детям: историко-культуральный анализ // ВСП. – 2012. – №1.– С. 188–196.
29. Митрофанова С.Ю. Детская бедность: социологические теории детства как основа исследования проблемы // Вестник САМГУ. – 2010. – №1 (75). – С. 32–37.
30. Монтень М. Опыты. Т.1. 1580: Мишель Монтень. Опыты. Избранные произведения в 3-х томах. Т. I. Пер. с фр. – М.: Голос, 1992. – 384 с.

31. Новиков Г.А., Рудой С.В., Вайсман М.А., Самойленко В.В., Ефимов М.А. Паллиативная помощь в Российской Федерации: современное состояние и перспективы развития. – Издательский дом «Практика», 2009. – С. 59–61.
32. Обухова Л.Ф. Детская (возрастная) психология. Учебник. – М.: Российское педагогическое агентство, 1996. – 374 с.
33. Осорина М.В. Секретный мир детей в пространстве взрослых. – 4-е изд. доп. – СПб.: Питер, 2009. – 304 с.
34. Отрадинская В.В. Особенности переживания утраты ребенка (на примере матерей, потерявших детей в результате трагедии в Беслане) // Социальная психология против кризиса: сб. научных трудов; под ред. д. психол. наук, проф. Е.А. Петровой. – М.: Изд-во РГСУ «Союз», 2009. – С. 75–78.
35. Отрадинская В.В. Социально-психологические особенности переживания и совладания с ситуацией потери ребенка в террористическом акте: на примере матерей Беслана: дис. ... канд. психол. наук. – М., 2011. – 275 с.
36. Платон. Собрание сочинений в 3-х тт. / Перевод А.Н. Егунова. Т.2. – М., 1971. – 752 с.
37. Притыко Д.А., Климов Д.Е., Гусев Л.И. Паллиативная помощь детям. История развития, проблемы и пути их решения // Здоровоохранение РФ. – 2015. – №1. – С. 43–47.
38. Проект Приказа МЗ и СР РФ от 15.02.2012 г. «Об утверждении порядка оказания паллиативной медицинской помощи детям» // www.rosminzdrav.ru
39. Рейнгольд Дж. С. Мать, тревога и смерть. Комплекс трагической смерти. Под научной редакцией доктора психологических наук, профессора В.М. Астапова, перевод: В.М. Астапов, И. Метлицкая. – М.: ПЕР СЭ, 2004. – 384 с.
40. Семенова Л.Н. Очерки истории быта и культурной жизни России. Первая половина VIII века. – Л., 1982. – 279 с.
41. Симаходский А.С. Некоторые итоги деятельности учреждения хосписного типа для детей // Детская больница. – 2014. – №1 (55). – С. 9–12.
42. Субарева О.А. Организация досуга для онкологических больных и их семей как часть психологической помощи (на примере Санкт-Петербургского детского хосписа) // Сборник тезисов VII Всероссийского съезда онкопсихологов. – М.: АНО «Проект СО-действию», 2015. – С. 60.
43. Ткаченко А.Е. прот., Александрова О.В. Место действия души. Заметки врачевателям душ. – СПб.: Типография Михаила Фурсова, 2018. – 42 с.

44. Уманский С.В. Тяжелая утрата и горе. Психологические и клинические аспекты. [Электронный ресурс]. URL: <http://psyfactor.org/lib/psychotherapy5.htm> (дата обращения: 01.07.2016).
45. Урядницкая Н.А. Психологическая саморегуляция у детей с онкологической патологией [Текст] : автореф. дисс. ... канд. психол. Наук. – М., 1998.
46. Шефов С.А. Психология горя. – СПб.: Речь, 2006. – 144 с.
47. Хетагурова А.К. Паллиативная помощь: медико-социальные, организационные и этические принципы. – М.: ГОУ ВУНМЦ МЗ РФ, 2003. – 138 с.
48. Щербук Ю.А., Симаходский А.С., Эрман Л.В., Пуанов Ю.А. Современные подходы к организации паллиативной помощи детям // ВСП. – 2011. – №3. – С. 16–20.
49. Эльконин Д.Б. Избранные психологические труды. – М., 1999. – 390 с.
50. Эриксон Э.Г. Детство и общество. – Изд. 2-е, перераб. и доп. / Пер. с англ. – СПб.: Ленато, АСТ, Фонд «Университетская книга», 1996. – 592 с.
51. Янкевич В. Смерть. Пер с фран. – М.: Литературный институт им. А.М.Горького, 1999. – 431 с.
52. Baranowski K.P. Stress in Pediatric Palliative and Hospice Care: Causes, Effects, and Coping Strategies. Children's Project on Palliative/Hospice Services (ChiPPS) newsletter, 2006. URL: <http://www.nhpco.org/i4a/pages/Index.cfm?pageID=4830> (дата обращения: 05.07.2016).
53. DeMause L. The History of Childhood. Northvale, New Jersey: Jason Aronson. 1995, pp. 450.
54. David H. Parents and Children in History: The Psychology of Family Life in Early Modern France. New York: Basic Books, Inc., Publishers, 1970, pp. 226.
55. Despert J. Louise. The Emotionally disturbed child, then and now. – N. Y.: Bruntr. 1965.
56. Payne G. H. The Child in Human Progress, New York, 1916, p.498 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.readanybook.com/ebook/the-child-in-human-progress-308832> (дата обращения: 20.06.2014).
57. Rattray T. G. The Angel-Makers: A Study in the Psychological Origins of Historical Change 1750-1850. London, 1958.
58. Sumner L.H. Staff Support in pediatric hospice care. In: Hospice care for children. Eds. A. Armstrong-Dailey, S. Zarbock. London: Oxford University Press, – 2011. – №10. – P. 190–211.

Автономная некоммерческая организация
«Детский хоспис»

прот. Александр Ткаченко
к.п. н. Ольга Александрова
Ирина Кушнарева

**Отношение ценности детской жизни:
исторический аспект**

Дизайн: Ушан С. В.

Подписано в печать: 08.11.2018
Печать офсетная. Гарнитуры: KorinnaC, AC Line, Minion Pro
Тираж 500 экз.

Отпечатано в типографии Михаила Фурсова
Санкт-Петербург, ул. Заставская, 14

Рассылка издания осуществляется при поддержке
ФГУП «Почта России»

**Читайте и скачивайте бесплатно
другие публикации
Санкт-Петербургского Детского хосписа
на сайте
www.детскийхоспис.рф
в разделе «Методические пособия»**

1. Паллиативная помощь детям
2. Духовная поддержка семей, столкнувшихся с неизлечимым заболеванием ребенка
3. Вопросы, на которые мы не знаем ответов
4. Вопросы, непонятные даже ежу
5. Волонтерская деятельность в практике паллиативной помощи детям»
6. Организация паллиативной помощи детям на региональном уровне
7. Рекомендации к освещению темы паллиативной помощи детям в современной журналистике
8. Фандрайзинг для благотворительности

197229, Санкт-Петербург,
Коннолахтинский проспект, дом 23А

www.детскийхоспис.рф
info@kidshospice.org

Телефоны:

+7(812) 416-13-30

Автономная некоммерческая организация

«Детский хоспис»

ИНН 7814658786

КПП 781401001

ОГРН 1167800053618

ПАО «Банк «Санкт-Петербург» в Санкт-Петербурге

Р/счет 40703810827000003920

К/счет 30101810900000000790

БИК 044030790

Данный проект подготовлен при поддержке

 Фонда президентских грантов

Распространяется бесплатно

© Автономная некоммерческая организация
«Детский хоспис», 2018 г.